

УДК 32.019.5

DOI 10.17223/1998863X/29/7

А.И. Завьялов

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ТЕРРОРИЗМА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Использование СМИ упрощенных формулировок в отношении терроризма может вводить общественность в заблуждение. Поэтому четкое определение терроризма даёт нам эффективный инструмент для классификации различных насильственных деяний.

Ключевые слова: *терроризм, экстремизм, террористический акт, терминологический подход.*

Научное изучение терроризма и его взаимосвязи с системами общественной коммуникации предполагает, прежде всего, решение вопросов терминологии. Существует разница между террористом, совершающим кровавые теракты, и экстремистом, призывающим к радикальным изменениям в обществе. Также существует разница между боевиками, воюющими с подразделениями оккупационной армии, и террористами, убивающими мирных жителей. Отнесение к той или иной организации к «террористическим» иногда бывает обоснованным, а порой излишне преувеличенным. Например, в список иностранных террористических организаций Госдепартамента США по состоянию на январь 2010 г. вошли 45 групп, в том числе Хезболла. Даже если предположить, что некоторые члены Хезболлы являются террористами, означает ли это, что все члены Хезболлы террористы? Конечно, нет. Хезболла, Хамас и некоторые другие организации, находящиеся в этом списке, у себя на родине являются влиятельными политическими силами, и в их состав входят врачи, учителя и представители других мирных профессий, не намеренные участвовать в террористической деятельности и не одобряющие ее. Поэтому терминология должна использоваться очень корректно.

Целью данной работы является анализ существующих определений терроризма с точки зрения их пригодности для исследования информационно-коммуникационной компоненты данного явления и формулировка определения терроризма, учитывающая его взаимосвязь с системами общественной коммуникации.

Следует отметить, что в 2008 г., например, Национальный контртеррористический центр США (NCTC) зарегистрировал около 11 800 террористических актов, в результате которых было убито, ранено и похищено 54 000 человек. Из 235 атак с большим числом жертв, т.е. от 10 человек убитых, 75% были совершены на Ближнем Востоке или в Южной Азии. Более 50% убитых – мусульмане, в основном в Ираке, Пакистане и Афганистане [1].

За такими обобщающими статистическими отчетами информация о конкретных террористических актах не всегда просматривается. NCTC полагается на информацию из открытых источников, и в отчете центра указано, что «виновников более 7 000 терактов, т.е. более 60 процентов за 2008 г., устано-

вить не удалось». Раздробленность террористических групп, фальсификация обвинений, их отрицание – все это влияет на достоверность отчетов, усложняя задачу тем, кто хочет изучить и понять феномен терроризма.

НСТС решает некоторые трудности на пути подготовки статистических отчетов о терроризме. С позиции НСТС, «террористический акт» – это когда подпольные группы или лица намеренно или случайно атакуют мирное население или нестроевых военнослужащих (включая военный персонал и объекты за пределами зоны военных действий и в местах проведения боевых операций). Определение того, что же является террористическим актом, относится больше к области воображения, чем науки; очень часто отсутствует полная информация, фактические обстоятельства интерпретируются по-разному, а мотивы виновников зачастую неясны [2].

Необходимо дать определение «терроризму», которое бы удовлетворяло органы правопорядка, военные, политические силы и общество.

Существует множество альтернативных определений термина «терроризм» не только среди ученых, но и среди политиков и служащих государственных органов [3]. В законодательстве России терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий [4]. С точки же зрения Госдепартамента США, термин «терроризм» означает «предумышленное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами или подпольно действующими агентами обычно с целью повлиять на настроение общества» [5]. С юридической точки зрения это звучит красиво, но при анализе вызывает вопросы. Что именно называть «политически» мотивированным? Насколько четко сформулировано понятие «мирные объекты»? Что такое «субнациональные» группы, особенно применительно к транснациональным или другим группам, чьи убеждения лежат за пределами каких-либо отношений к нациям, и что стало с «государственным терроризмом» внутри этого определения? В чем смысл «влияния на настроения общества»?

Ответы на эти и связанные с ними вопросы можно найти, но они вряд ли будут последовательными. Еще более усложняют поиск определения различия даже внутри единой государственной бюрократической системы. В Соединенных Штатах вместо того, чтобы принять установленное законодательством определение, Министерство обороны предлагает свою версию понятия «терроризм»: «Намеренное использование незаконного насилия или угроз незаконного насилия в целях устрашения, направленное на принуждение или запугивание правительства или общества для достижения целей, которые могут быть политическими, религиозными или идеологическими» [6].

В то же время Министерство юстиции определяет терроризм как «незаконное использование силы или насилия против людей или собственности в качестве средства устрашения или принуждения правительства, гражданского населения или любого их сегмента в преследовании политических или социальных задач» [7]. Различие состоит в том, что Госдепартамент ставит во главу угла

«политическую мотивированность насилия», поскольку терроризм часто считается формой коллективного насилия, имеющего политические мотивы.

Эти политические мотивы варьируются в пределах широкого диапазона. Целью многих террористических групп были революции, создание суверенного государства (часто под лозунгами этнически-национального самоопределения или национальной независимости), прекращение испытаний на животных (Фронт освобождения животных (ALF)) или остановка вырубki леса (Фронта освобождения земли (ELF)). Или даже религиозные цели – цели, которые все же имеют отношение к политике и власти. Десятилетия споров в ООН нагляднее всего показывают, насколько сложно найти общее определение для терроризма. Например, в то время как Соединенные Штаты и западноевропейские государства обычно одобряют то, что Израиль называет палестинских смертников террористами, существует много арабских государств, которые поддерживают палестинцев и заявляют, что это «борцы за свободу» (еще один термин, используемый в жанре политического насилия), или используют другие одобрительные названия. На местном уровне также проходят подобные дебаты. Например, между католиками в Северной Ирландии, которые отказались называть Временную Ирландскую Республиканскую Армию (PIRA) террористами, и протестантами Северной Ирландии, которые отказались называть Объединение обороны Ольстера (UDA) или Добровольную дружину Ольстера (UVF) террористами, в то время, когда все эти группы однозначно несут ответственность за террор, проводимый ими на протяжении второй половины XX столетия. Терминологические споры заставили некоторых исследователей предположить, что терроризм необходимо рассматривать как субъективное понятие.

Один из аспектов терминологической проблемы заключается в следующей приказке: «Кому террорист, а кому и борец за свободу» [8]. Ясир Арафат, Менахем Бегин, другие политические деятели, которые поднялись во времена кровавых беспорядков и стали выдающимися лидерами, – нужно к ним относиться как к террористам или как к борцам за свободу?

Являются ли атаки на мирных граждан во время обычной войны, как, например, во время бомбежек Дрездена и Токио в конце Второй мировой войны, террористическим актом или это законный способ принуждения к сдаче правительства вражеского государства? Не преобладают ли чувства над законодательным определением: были американцы во время Войны за независимость почетными патриотами или террористами-повстанцами? Несомненно, у американцев и британцев были разные мнения на этот счет.

В другой плоскости данного вопроса лежит разграничение понятий «террорист» и «экстремист». Последние могут оказаться группой лиц, проповедующих ненависть и косвенно провоцирующих атаки на гражданское население, но напрямую не участвующих в подобных действиях. Также их послания могут оставаться за пределами определения терроризма ввиду того, например, что они призывают атаковать военнослужащих, а не мирное население. Является ли группа лиц, одобряющая, но не проводящая атаки на военные силы США в Афганистане, террористической организацией или чем то ещё? А если взять Хамас или Хезболлу, которых некоторые считают террористическими организациями, в то время как многие палестинцы и ливанцы

(и некоторые другие народы) считают их законными политическими организациями, которые преследуют благородные цели, защищая своих соотечественников от оккупантов.

Существует также тенденция, особенно на Западе, называть «террористами» членов «других» этнических, религиозных или других групп, но гораздо сложнее применять этот термин к доморощенным террористам. В Соединенных Штатах имя Усамы бен Ладена является синонимом слова «террорист», но то же самое не применяется к Тимоти Маквею, представителю европеоидной расы, ветерану армии США, который взорвал федеральное здание в Оклахома-Сити в апреле 1995 г., убив 168 человек. В Великобритании после терактов 7 июля 2005 г., когда называли их виновников, в первую очередь подчеркивали, что они мусульмане, при этом трое из четверых были уроженцами Британии (а четвертый родился на Ямайке).

Брюс Хоффман, один из ведущих исследователей терроризма, определяет терроризм как умышленное создание атмосферы страха при помощи насилия или через угрозу насилия в целях изменения политического устройства. Терроризм в основном направлен на оказание более широкого психологического воздействия, охватывая более широкий круг лиц, чем непосредственная(ые) жертва(ы), или объект террористической атаки. Благодаря огласке террористы пытаются получить рычаги воздействия, влияние и власть, которых у них изначально нет, для изменения политического устройства на местном уровне или в международном масштабе [9].

Хоффман делает упор на создании атмосферы страха, а также его использовании для получения рычагов политического давления, что особенно важно, потому что это подчеркивает тот факт, что терроризм является политическим преступлением; это не просто убийство из жадности убивать (хотя может и быть таковым для некоторых исполнителей), но скорее он видится неким стратегическим инструментом и уравнивающим фактором в конфликте с превосходящим противником.

В сущности, тем из нас, кто изучает терроризм, есть из чего выбрать при поиске определения. Согласно мнению политолога Дэвида Рапопорта (David Rapoport), «террор – это насилие с характерными признаками, использующееся в политических целях частными лицами и государствами. Это насилие не регулируется общественно принятыми нормами сдерживания насилия, правилами ведения войны и правилами применения наказания. Отдельные группировки, использующие террор, чаще всего пренебрегают правилами ведения войны, в то время как государственный террор обычно пренебрегает правилами применения наказания, т.е. теми правилами, которые позволяют нам отличать виновных от невиновных. Но как государства, так и неправительственные группировки могут игнорировать любой из наборов правил» [10]. Луис Ричардсон (Louise Richardson), еще один известный ученый, объясняет, что террористические организации имеют политические цели, которых они пытаются достичь через насилие или угрозу насилием, и что применение насилия не призвано победить противника, но передать некое послание при помощи актов насилия, имеющих символическое значение, которые привлекают максимум внимания к их идее [11].

Синди Комбс называет терроризм «синтезом войны и театра: инсценировкой насилия, которая разыгрывается с невинными жертвами и перед зрителями в надежде вызвать чувство страха без сожаления или раскаяния в угоду политическим целям» [12]. А Брюс Хоффман, один из наиболее признанных в международных кругах ученых в этой области, определяет терроризм как «целенаправленное создание и использование страха через насилие или угрозы насилием в преследовании политических целей ... [он] предназначен для оказания широкого психологического воздействия не только на непосредственные жертвы или объекты террористической атаки... [и] для создания власти, где ее нет, или для укрепления власти, где ее очень мало» [13]. Хоффман также отмечает, что некоторые аспекты различных определений терроризма являются основополагающими. Например, большинство определений терроризма включают и политическую составляющую (как это указано у многих авторов, которых я только что упомянул), обычно желание политического изменения. На самом же деле мотивом террористических группировок является желание сохранить статус-кво. Более того, государства также могут терроризировать своих граждан, и обычно это происходит в ситуации, когда политические изменения не желательны.

Фундаментальной в большинстве описаний и определений терроризма является идея о том, что те, кто им занимается, не соблюдают обычные нормы политического насилия [14] – скорее, они намеренно нацеливаются на невинных (включая военнослужащих не при исполнении служебных обязанностей, сотрудников правоохранительных и других государственных органов) и стараются нанести психологическую травму через как минимум (а то и более чем) смерть или ущерб. И, конечно же, существуют и криминальные аспекты терроризма. Террористы убивают, калечат и уничтожают, и было бы трудно найти в цивилизованном мире такой суд, который не считает это преступлением вне зависимости от мотивов или конечных целей. Далее, террористы также занимаются отмыванием денег, кражами, мошенничеством, шантажом, контрабандой (включая наркотики, оружие и людей), ограблением банков и многими другими видами криминальной деятельности [15].

Алекс Шмид (Alex Schmid), еще один известный в этой области ученый, отмечает, что криминальные и террористические организации имеют много общего: они действуют рационально, у них есть жертвы, они используют схожую тактику, например похищение людей и убийства, они работают тайно, они объявлены вне закона правящим режимом и стоят в оппозиции к правительству [16]. Тем не менее через большинство определений терроризма проходит красной нитью вопрос мотивов. Например, эксперт по организованной преступности Фил Уильямс различает террористические и преступные организации по их мотивам: одна их главных целей террористических организаций – провести (или предотвратить) политические перемены, в то время как криминальные организации сосредоточены на формировании и максимизации прибыли [17]. Далее, террористические акты необходимо рассматривать как итог всей деятельности, включающей в себя финансирование, вербовку, обучение, выработку специальных навыков и подготовку к теракту, и может длиться в течение нескольких месяцев или даже лет. Криминальные организации направляют большинство своих усилий на собственную защиту

от конкурентов или правительства и органов правопорядка и преследуют стратегию управления, уклонения, контроля или снижения риска, конечно же, многие террористические группировки занимаются этим тоже). По большей части один аспект, отличающий террористов от других преступников, – это политический характер насилия, которое они применяют. Многие рассматривают терроризм как использование угрозы насилием для осуществления изменений, и очень часто изменения, которые преследуют террористы, являются так или иначе политическими.

Можно также видеть четкое различие между террористами и преступниками по их отношению к деньгам. Как отмечает Лоретта Наполеани, преступные организации ведут свою деятельность как частные компании, имеющие своей конечной целью накопление прибыли. В отличие от них террористические организации более заинтересованы в денежных расходах, чем в отмывании; вместо накопления и максимизации прибыли деньги должны быть распределены по всем ячейкам сообщества для обеспечения их деятельности [18]. В общем и целом, в то время как терроризм часто рассматривается как форма политического насилия, специалисты в области правопорядка рассматривают его как уникальную форму преступления с применением насилия – уникальную в первую очередь благодаря его мотивам. Тем не менее растет число авторов, которые стали предполагать, что различие между организованной преступностью и терроризмом может быть нечетким. Например, Уолтер Лакер утверждает, что пятьдесят лет назад между терроризмом и организованной преступностью проходила четкая разделительная линия, но «в недавнее время эта линия стала размываться и в некоторых случаях появился симбиоз между терроризмом и организованной преступностью, которого раньше не существовало» [19]. Другие ученые описали этот феномен как связь, слияние, континуум или парадигму другого рода, где участвуют подвижные, постоянно меняющиеся отношения среди членов террористических и криминальных сообществ [20].

В конце 1980-х Шмид и несколько его европейских коллег провели исследование нескольких сотен публикаций о терроризме и обнаружили определенное количество общих характерных элементов. На основании данного исследования они предложили определение, которое пытается охватить большую часть того, в чем сходится ученое сообщество при использовании этого термина: «Терроризм – это вселяющие страх методы совершения повторяющихся жестоких актов, используемых (полу-) подпольными лицами, группами или государственными субъектами, по преступным или политическим причинам, где – в отличие от политического убийства – непосредственные цели насилия не являются их основными целями. Непосредственные человеческие жертвы обычно выбираются произвольно (внеплановые цели) или выборочно (характерные или символические цели) среди целевого населения и служат в качестве генераторов посланий. Процессы коммуникации, основанные на угрозах или насилии, между террористами (организацией) и (подверженными опасности) жертвами и основными целями используются для манипулирования основной целью (аудиторией) для превращения её в цель для террора, цель для выдвижения требований или цель для привлечения внимания в зависимости от того, что в первую очередь преследуется: устрашение, принуждение или пропаганда» [21].

В качестве рабочего определения терроризма для исследования коммуникационной системы терроризма можно использовать следующее:

Терроризм – это комбинация стратегий и жестокой тактики, при которой жертвы (т.е. обычные граждане) являются частью более широкой цели (например, правительство). Эти стратегии и тактики используются лицами или группами лиц в преследовании определенного типа целей – обычно политического, социального, криминального, экономического или религиозного характера, – и они считают терроризм самым эффективным способом получения власти, необходимой для достижения этих целей.

В основном данное определение отражает точку зрения, согласно которой терроризм в некоторой степени является продуктом изначально неравного распределения власти на местном, национальном уровне или в мировом масштабе. Заведомо упрощенный взгляд на терроризм подчеркивает более широкий и более важный основной вопрос: выбор при принятии террористических методов основан на вере, что настоящее неудовлетворительно, и, таким образом, нужно что-то делать, чтобы обеспечить лучшее будущее.

Таким образом, для всех – от идейных революционеров до религиозных боевиков – результаты одинаковы в плане принятия ими насильственной тактики в качестве средства достижения их целей. Неудовлетворенность статус-кво привела к формированию террористических группировок в Ирландии, Италии, Египте, Германии, Шри-Ланке, Японии, Индонезии, на Филиппинах, в Соединенных Штатах и многих других государствах. Более того, терроризм доказал свою эффективность в осуществлении перемен, с точки зрения некоторых наблюдателей. Например, терроризм заставил могущественные Соединенные Штаты (и позже Израиль) уйти из Ливана и убедил французов покинуть Алжир. Чтобы понять терроризм, нужно понять, как террористы смотрят на самих себя и как они оправдывают свое поведение.

Литература

1. *National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism*. April 30, 2009 <http://wits.nctc.gov/ReportPDF.do?f=crt2008nctcannexfinal.pdf>. P.10, 12
2. *National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism*. P. 4.
3. *Грачев С.И., Корнилов А.А.* К вопросу о дефиниции «терроризм» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 242–245.
4. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
5. 22 *US COde*, Section 2656 (d) цитируется по *US States Department Patterns of Global Terrorism*, 1999. Washington, DC: Dept of State Publication, April 2000, P. viii.
6. *US Department of Defense*, Department of Defense Dictionary of Military and Assicated Terms, www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/_jp1_02
7. *National Institute of Justice website on terrorism*: nij.gov/topics/crime/terrorism/welcome.htm
8. *Балуев Д.Г.* Личностная и государственная безопасность: современное международно-политическое измерение: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2004.
9. *Hoffman B.*, *Insid Terrorism*. New York: Columbia University Press. 1999. P. 44.
10. *Rapoport D.C.* Before the Bombs There Were Mobs: American Experiences with Terror // *Terrorism and Political Violence* 20. 2008. № 2. Сноска 12.
11. *Richardson L.* What Terrorists Want. New York: Random House, 2007. P. 4–5.
12. *Combs C.C.* Terrorism in the Twenty-First Century. New Jersey: Prentice Hall, 2003.
13. *Hoffman B.* Inside Terrorism. New York: Columbia University Press, 2006. P. 40–41.
14. *Балуев Д.Г.* Приватизация военно-силовых функций государства: каковы перспективы? // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3. С. 64–70.

15. Грачев С.И., Баймашев Ю.М. Криминологическая детерминанта современного терроризма в России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Спецвыпуск. С. 62.

16. Schmid A.P. The Links between Transnational Organized Crime and Terrorist Crimes // Transnational Organized Crime. 2. 1996. № 2. P. 66–67.

17. Williams P. Strategy for a New World: Combating Terrorism and Transnational Organized Crime // Strategy in the Contemporary World. Oxford University Press. P. 195–196.

18. Napoleoni L. The new Economy of Terror: How Terrorism is Financed // Forum n Crime and Society. 2004. № 1 and 2. P. 31–33.

19. Laqueur W. The New Terrorism. Oxford University Press, 1999. P. 211.

20. Makarenko T. The Ties and Bind: Uncovering the Relationship between Organized Crime and Terrorism // Global Organized Crime: Trends and Developments. Dordrecht: Kluwer, 2003. P. 159–170.

21. Schmid A.P., Jongman A.J. et al. Political Terrorism: A new Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. Amsterdam: Transaction Books, 1988, P. 5–6.

Zavialov Andrey I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. (Nizhni Novgorod. Russian Federation). E-mail: aznn2007@yandex.ru DOI 10.17223/1998863X/29/7

INFORMATION AND COMMUNICATION MODEL OF TERRORISM: TERMINOLOGICAL ASPECTS

Keywords: civil society, non-profit associations, social activity, civic participation, Tomsk region

Non-profit associations constitute an important part of civil society. Performing the function of self-organization, they are aimed at solving urgent social problems. This article presents the results of the survey research concerning the population's attitude to civil society organizations – the overall awareness and assessment of public organizations, the existing participation level and the future commitment to participate in the activities of these organizations, and the dynamics of these indicators (comparative analysis of the survey results of 2011 and 2014).

The social base of civil society is analyzed within the framework of the concept offered by the Research Laboratory of Civil Society, HSE. According to the concept, the people are divided in terms of their social activity and form the core, the satellites kernel, the buffer, as well as peripherals and outsiders. Our results demonstrate a tendency of increasing total awareness of the activities of non-governmental organizations with a simultaneous decrease of social activity in most areas. We can see loss of interest in social activities – the trend of reduction in the volume of the nucleus, the satellite and the buffer zone, ie, those segments of the society who have a stable and periodic activity in social activities or principled commitment to that kind of work. At the same time, the share peripherals and outsiders, ie those who are not ready to participate in any social activities and generally possess negative attitude towards civil society organizations is increasing.

Analysis of the barriers and the catalysts of social activity demonstrated an increase of functional pragmatic attitude with “the lack of spare time” as the main barrier, and the rising importance of personal benefits as the main catalyst.

References

1. National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism. April 30, 2009. Available from: <http://wits.nctc.gov/ReportPDF.do?f=crt2008nctcannexfinal.pdf>, pp.10, 12

2. National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism. Available from: <http://wits.nctc.gov/ReportPDF.do?f=crt2008nctcannexfinal.pdf>, pp. 4.

3. Grachev S.I., Kornilov A.A. About the definition of terrorism. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2014, no. 3, pp. 242–245. (In Russian).

4. Federal'nyy zakon RF ot 6 marta 2006 g. N 35-FZ “O protivodeystvii terrorizmu” [Federal Law N 35-FZ of March 6, 2006 “On Combating Terrorism”].

5. 22 US Code, Section 2656 (d) cited by US States Department Patterns of Global Terrorism, 1999. Washington, DC: Dept of State Publication, April 2000, p. viii.

6. US Department of Defense, Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. Available from: www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/_jp1_02.

9. Hoffman B. *Inside Terrorism*. New York: Columbia University Press, 1998, p. 44.

10. Rapoport D.C. Before the Bombs There Were Mobs: American Experiences with Terror. *Terrorism and Political Violence* 20, 2008, no. 2, ref. 12.
11. Richardson L. *What Terrorists Want*. New York: Random House, 2007, pp. 4–5.
12. Combs C.C. *Terrorism in the Twenty-First Century*. New Jersey: Prentice Hall, 2003.
13. Hoffman B. *Inside Terrorism*. New York: Columbia University Press, 2006, pp. 40–41.
14. Baluev D.G. Privatizatsiya voenno-silovykh funktsiy gosudarstva: kakovy perspektivy? [The privatization of military force functions of the state: what are the prospects?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004, no. 3, pp. 64–70.
15. Grachev S.I., Baymashev Yu.M. Kriminologicheskaya determinanta sovremennogo terrorizma v Rossii [The criminological determinant of modern terrorism in Russia]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2013, Special issue, p. 62.
16. Schmid A.P. The Links between Transnational Organized Crime and Terrorist Crimes. *Transnational Organized Crime*, 1996, no. 2, pp. 66–67.
17. Williams P. *Strategy for a New World: Combating Terrorism and Transnational Organized Crime*. In: Baylis J. (ed.) *Strategy in the Contemporary World*. Oxford University Press, 2007, pp. 195–196.
18. Napoleoni L. *The new Economy of Terror: How Terrorism is Financed*. In: Schmid A.P. (ed.) *Forum on Crime and Society*. United Nations Publication, 2004, no. 1, 2, pp. 31–33.
19. Laqueur W. *The New Terrorism*. Oxford University Press, 1999, p. 211.
20. Makarenko T. *The Ties and Bind: Uncovering the Relationship between Organized Crime and Terrorism*. In: Siegel D., Bunt H., Zaitch D. (eds.) *Global Organized Crime: Trends and Developments*. Dordrecht: Kluwer, 2003, pp. 159–170.
21. Schmid A.P., Jongman A.J. et al. *Political Terrorism: A new Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature*. Amsterdam: Transaction Books, 1988, pp. 5–6.